



**ЗНАК  
КАЧЕСТВА**

.....

современная  
русская  
литература



О Л Ь Г А И С А Е В А

.....

# Антошка Петрова, Советский Союз



ЭКМО  
Москва  
2013

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4  
И 85

Оформление серии *П. Петрова*

**Исаева О.**

И 85 Антошка Петрова, Советский Союз : рассказы /  
Ольга Исаева. – М. : Эксмо, 2013. – 320 с. – (Знак каче-  
ства).

ISBN 978-5-699-66551-8

Разве у кого-нибудь возникнет ностальгия по еженедельным походам в общественную баню?! Облезлые шкафчики для вещей, тяжелые шайки с водой, коричневая рыхлая пена, устрашающе голые сетки... Писательское слово – точное, ироничное, подсвеченное детским воспоминанием – способно эту неприглядную обыденность превратить в феерически яркую картину, в которую ты вдруг с такой очевидностью захочешь окунуться, что не испугают тебя ни бледные обмылки на мокром цементном полу, ни грозная усатая банщица. Глазами Антошки Петровой – главной героини цикла рассказов – мы видим свое недавнее прошлое. И оно нам... нравится!

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66551-8

© Исаева О., 2013  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2013

*Наташе Петровой, с любовью  
и благодарностью.*





## **ЕСЛИ ПРИДУТ ФАШИСТЫ**

Если придут фашисты,  
я спрячусь в шкаф,  
под кровать,  
в чулан,  
и меня не найдут.

А как же мама?  
Соседи скажут про нее,  
что она еврейка  
(они и так говорят).  
Фашисты арестуют ее и...

**НЕТ. Этого не будет НИКОГДА.**

Я спасу свою маму.  
Огородами я уведу ее в лес,  
отыщу яму поглубже

(с прошлой войны  
весь наш лес в воронках),  
дно застелю лапником,  
крышу сделаю из хвороста,  
завалю ее дерном и листьями.  
Получится настоящая землянка.  
Мама спрячется в ней,  
и никто ее не найдет  
миллион тысяч лет.

Чтобы прокормиться,  
я буду побираться на рынке.  
Деревенские тетки  
будут меня жалеть  
и подкармливать  
овощами и фруктами.

Но как же мама?  
Нет, лучше я научусь  
петь и танцевать.

Я буду выступать у входа в ресторан.  
Сытые фашисты  
будут гоготать, как гуси,  
говорить: «Какой кароший маленький девושка»  
и бросать мне под ноги мелочь.  
А я на нее куплю хлеб для мамы.

Я научусь ходить бесшумно, как кошка.  
Ночью зрение у меня будет, как у совы,  
днем, как у орла.  
Нюх, как у волка,  
слух, как у собаки,  
выносливость, как у верблюда.

Я отращу себе когти.  
Если кто-то выследит меня,  
я почую врага за километр,  
кинусь, исцарапаю и искусаю так,  
что он навсегда забудет, как шпионить.

Ночами мы с мамой будем пробираться  
к СВОИМ.

Я поведу ее тайными тропами.  
Как лазутчица, в пути  
я буду все примечать  
и запоминать.  
А когда мы перейдем линию фронта,  
я расскажу нашим  
все фашистские секреты,  
и меня наградят медалью  
или даже орденом.

Но до наших добраться будет непросто.  
Придется долго идти босиком по грязи и снегу,  
спать на голой земле, в канавах, в лесу,  
в чистом поле.

Мы будем голодать и холодать,  
поэтому, пока не поздно,  
нужно закаляться, как сталь.

Осенью и весной я буду ходить по лужам,  
зимой по колена в снегу.  
Чтобы не привыкать к роскоши,  
мороженого есть не буду,  
но буду есть снег  
и всю зиму ходить без шапки и варежек.

Я буду искать деньги  
и копить их на «черный день».  
Я буду развивать мускулы,  
бегать, прыгать, отжиматься,  
а чтобы выработать выносливость,  
носить в портфеле булыжники.

Я научусь драться, как мальчишка,  
плавать, как рыба,  
дышать, как индийский йог,  
и, как индеец, смогу  
стрелять из лука,  
ловить руками рыбу,  
просыпаться от каждого шороха,  
легко переносить боль,  
зализывать раны,

есть траву, листья и корни,  
пить воду из лужи,  
не бояться темноты.

Я буду развивать память,  
ловкость,  
смекалку,  
отвагу,  
выдержку.

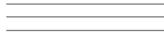
Еще бы хорошо  
научиться: рычать,  
как дикие звери,  
свистеть, как птицы,  
и читать чужие мысли,  
чтобы распознавать врагов.

Очень полезны также азбука Морзе  
и язык глухонемых.  
(Во-первых, при глухонемых  
все говорят, что думают,  
а во-вторых, здорово, когда можно  
переговариваться при посторонних,  
а они ничего не слышат и не понимают.)

Надо мало есть,  
чтобы быть худой  
и пролезать в форточку.

Еще надо:  
запоминать народные приметы,  
половицы и поговорки,  
знать все лечебные травы,  
грибные и ягодные места,  
уметь в сырую погоду развести костер  
и на всякий случай всегда носить с собой  
нож и спички.

Надо дружить с природой.  
Стать опытной, бесстрашной,  
безжалостной к себе  
и ко всему готовой,  
если придут фашисты.



## **В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ**

Пожалуйста, не смейтесь и не думайте, что я сочиняю, но в детстве я совершила подвиг, причем такой, за который другому человеку поставили бы памятник или хотя бы медаль дали, а мне не досталось ни славы, ни уважения, а как раз наоборот. Не верите — судите сами.

Мне было шесть лет. С сентября я должна была пойти в первый класс, а пока отбывала срок на детсадовской даче, куда мама отправляла меня каждое лето, потому что «она тоже человек и ей тоже жить надо». Однако в тот год она приехала за две недели до окончания срока и самым обыкновенным голосом спросила: «Хочешь, домой поедем?» Она думала, что я от радости сразу вся вспыхну, как лампочка Ильича, но вместо этого я впала в столбняк. Лишь когда она разочарованно сказала:

«Ну не хочешь — как хочешь», я очнулась и закричала: «Хочу, хочу, очень даже!»

Я ликовала, а мама была грустная. Что-то случилось в ее таинственной взрослой жизни. Кто-то обидел. В шесть лет я уже понимала, что обижают не только детей, но и взрослых. А еще я понимала, что счастье мое висит на волоске, достаточно малейшей промашки, и все пропало, поэтому, пока не сядем в автобус, я решила затаиться — не скакать, не приставать с вопросами, ни на что не жаловаться и ни о чем не просить. Но до остановки еще надо было дойти, а автобуса еще надо было дождаться.

Мы шли по тропинке, протоптанной детсадовскими группами. Ржаное поле напоминало заштрихованный простым карандашом тетрадный разворот, по краям обрызганный чернильными капельками васильков. За ним светился березовый лесок с поляной, на которую нас каждый день водили, а за леском погромыхивало трехтонками шоссе с автобусной остановкой. Чтобы не отстать от мамы, я шагала гигантскими шагами, но она, мысленно уткнувшись в свои обиды, казалось, совсем про меня забыла.

Было душно. Голубизна в небе едва угадывалась, как синька в забытой на веревке, оде-

ревеневшей от жары наволочке. В липком воздухе чувствовалась гроза. Он гудел, как во время войны. В сухих корнях стрекотали дивизии кузнечиков, над отяжелевшими колосями, будто вражеские истребители, носились стрекозы, грозно гудели спрятавшиеся в засаде шмели; мошки тучами вились над головой, но страшнее всего были черные чугунно-литые, как пули, слепни. Один впился мне в ногу, но, стиснув зубы, я даже не пикнула, чтобы мама не сказала: «Раз ты такая плакса, то и оставайся здесь еще на две недели». Я послунила палец, смазала ранку и пошла дальше. Мама так ничего и не заметила. Лишь на остановке она будто вдруг проснулась и спросила: «Ты чего это такая невеселая? Жалко уезжать?» На такой глупый вопрос я даже отвечать не стала, только изо всех сил помотала головой, а она, привычным жестом потрогав мой лоб — не горячий ли, с шутливой угрозой сказала: «Заболеешь — убью».

До города надо было еще долго трястись в туго набитом рейсовом автобусе. Я знала, что от запаха бензина или оттого, что, как сказал доктор, у меня «слабый вестибулярный аппарат», меня скоро затошнит и, может быть, даже вырвет, но все равно была счастлива. Я стояла